

Экзистенциальный марксизм Мерло-Понти: взгляд Марка Постера

Марк Постер принадлежит к тому поколению американских интеллектуалов, которые на рубеже 1960-1970-х гг. начали активно знакомиться с новейшими веяниями в европейской философии. В начале 1970-х гг. Постер принимал участие в деятельности полупрофессионального журнала «Telos», издаваемого в Буффало молодыми сотрудниками Нью-Йоркского университета и славившегося своими левацкими настроениями. Летом 1973 г. Марк Постер посетил Париж и увлёкся европейской философией не на шутку, вскоре став одним из самых значительных в США специалистов по «французской теории».

«Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции», самая известная его книга, была опубликована в 1975 г.* О её целях сам он пишет в предисловии: «Моя цель при написании настоящей работы заключалась в том, чтобы проследить доминирующую в современной французской социальной мысли тему взаимосвязи марксизма и экзистенциализма. Я утверждаю, что эти две доктрины сошлись в работах Сартра и группы "Аргумент", положив начало социальной теории "новых левых". Начиная с периода после окончания Второй мировой войны, когда марксизм и экзистенциализм были конкурирующими учениями, я писал движение Сартра и его круга к марксизму, а также отход марксистов от сталинизма»**. По помимо этих, чисто научных, целей, было и ещё кое-что: Постер не изменяет своим «левым» убеждениям и продолжает дело, которое он начал в юности и в котором ориентиром для него стали революционные настроения французских интеллектуалов. «Читатель заметит, что я сочувственно отношусь к деятельности экзистенциальных марксистов, хотя и не являюсь приверженцем ни одной из их теорий. Я разделяю их убеждение в необходимости радикального реструктурирования общественных отношений и институтов в развитом индустриальном обществе, в особенности я убеждён в ценности их призыва пересмотреть характер гуманитарных наук. Изучение их позиций привело меня к мысли об ограниченности интеллектуалистской истории, однако в настоящей работе я не стал выходить за пределы традиционной методологии. Наконец, я надеюсь, что изучение теоретического развития французских мыслителей будет интересно всем, кто обеспокоен сегоднешним состоянием социальной теории в гуманитарных науках, и тем, кто вступает в теоретическую конфронтацию с существующим положением вещей в Соединённых Штатах»***.

В соответствии с декларируемыми принципами Постер рассматривает экзистенциальную феноменологию Мерло-Понти как революционную теорию, вписывающуюся в его понимание «экзистенциального марксизма». Цитируемый нами параграф книги**** американского исследователя предлагает взгляд на Мерло-Понти, который, конечно, нельзя назвать совсем уж неизвестным русскоязычному читателю, но который отличается от общепринятого представления о Мерло-Понти как о «чистом» феноменологе.

М. Постер, Экзистенциальный марксизм Мерло-Понти

Сартр осознавал свою политическую наивность. Но, если ему нечему было учиться у интеллектуалов компартии, то своего друга Мерло-Понти, направлявшего его в политических вопросах, он слушал охотно. Он всегда признавал, сколь многим обязан Мерло-Понти,

* Poster M. Existential Marxism in Postwar France: From Sartre to Althusser. Princeton, 1975.

Ibid. P. VII.

*** Ibid. P. VIII.

**** Poster M. Existential Marxism in Postwar France. Chapter I. The Hegel Renaissance. § 4.

показавшего ему, что политика и метафизика не противоположны, но взаимосвязаны. Именно Мерло-Понти, превосходивший в своей «левизне» Сартра 1940-х гг., писал политические статьи в «Les Temps Modernes», и именно Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» и «Гуманизме и терроре» устранял исторические и социальные недостатки экзистенциализма. Говоря о дебатах между экзистенциалистами и марксистами, мы должны последовать за мыслью Мерло-Понти 1940-х гг., а затем проследить болезненную переориентацию сартровского мышления в начале 1950-х гг. Движение экзистенциалистов к марксизму наилучшим образом высвечивается в диалоге между Сартром и Мерло-Понти.

Загадочный и одинокий, Мерло-Понти не водил близкой дружбы с Сартром, даже когда они вместе работали в организациях военной поры или в долгие годы «Les Temps Modernes». Тем не менее, биографии этих двух людей были замечательно похожи: оба происходили из мелкобуржуазной среды, оба учились в Эколь Нормаль, оба вступили в группу «Socialisme et liberté», оба были экзистенциалистами, оба слушали лекции Кожева о Гегеле, оба придерживались левых взглядов. Несмотря на такое сходство, они двигались в противоположных направлениях. Со времён Освобождения и до 1950-х гг. Мерло-Понти, в отличие от Сартра, был близок к коммунистам. В 1950-х гг. их траектории сходились и расходились; Мерло-Понти отходил от марксизма, а Сартр приближался к нему. К 1955 г. Мерло-Понти совершенно утратил интерес к марксистской политике и мысли, тогда как для Сартра только начинался период, когда марксистская теория представляла для него исключительный интерес. Можно сказать, что, когда Мерло-Понти в 1955 г. окончательно отошёл от дебатов между экзистенциализмом и марксизмом, Сартр принял дистанцию от своего друга, решительно пересмотрев своё раннее понимание экзистенциализма. Когда в 1961 г. Мерло-Понти неожиданно умер, Сартр только что закончил самое значительное экзистенциалистское исследование марксизма, «Critique de la raison dialectique». Однако в предшествующий период, в 1940-е гг., Мерло-Понти яснее других видел необходимость ревизии экзистенциализма. Его мысль была обоюдоострой: он стремился реформировать экзистенциализм в соответствии с марксистской доктриной и преодолеть ригидность французского марксизма в соответствии с экзистенциалистской мыслью. Он рассчитывал выстроить новый храм интеллекта между двумя учениями. Таким образом, нам следует рассмотреть предпринятую Мерло-Понти ревизию экзистенциализма, а затем и его критику марксизма. После этого, в следующей главе, мы обратимся к мучительным блужданиям Сартра, который отталкивался от того, что оставил Мерло-Понти и продолжал выстраивать синтетическую структуру экзистенциального марксизма, начало которой положил его друг.

а) Понимание свободы у Мерло-Понти

Исследование предпринятой Мерло-Понти попытки поместиться между сартровским экзистенциализмом и сталинистским марксизмом компартии можно начать с его понимания экзистенциальной свободы в «Феноменологии восприятия» (1945). Появившись через два года после «Бытия и Ничто», «Феноменология» Мерло-Понти, его главная работа, развивала экзистенциализм, по духу очень близкий сартровской книге, однако отходила от него в критические моменты, там, где дуалистическая сартровская онтология «в-себе» и «для-себя» объявляла социальную теорию невозможной. В своей рецензии на «Бытие и Ничто», написанной для «Les Temps Modernes», Мерло-Понти сетовал, что «антитеза моего видения себя и видения меня другим, а также антитеза в-себе и для-себя зачастую представляются альтернативными, вместо того чтобы быть описаны как неразрывно связанные

по сути и терминологически»¹. В целом же он приветствовал книгу Сартра² и оставался лояльным сартрианцем по крайней мере до «*Les Aventures de la dialectique*» (1955). Однако его не удовлетворяло отсутствие у Сартра социальной философии и стремился восполнить это упущение, вводя новые экзистенциалистские категории. В порядке дружеской критики он обозначил задачи, оставшиеся нерешёнными для экзистенциализма:

Мы должны проанализировать вовлечённость, тот момент, когда субъективное и объективное состояния истории сходятся воедино, когда классовое существование предшествует социальному и феномену сосуществования. «*L'Être et le néant*» ещё не предлагает такой социальной теории, однако поднимает проблему реципрокных отношений между сознанием и социальным миром столь решительно, сколь только возможно, отказываясь допустить свободу вне ситуации и делая субъект ни в коем случае не отражением... но «рефлексирующей рефлексией» в соответствии с марксизмом³.

Сартр преодолел идеализм, но не окончательно.

Ради завершения проекта экзистенциализма «Феноменология восприятия» переносит центр анализа с противоположностей бытия и ничто, самости и мира, субъекта и объекта в пространство между ними: интересубъективное пространство восприятия и тела. Возвращаясь к гуссерлевскому понятию интенциональности, Мерло-Понти помещается в этой связи, в этом двойственном пространстве, в этом междумирии. Вместо того чтобы сосредоточиться на сторонах этой диады, чтобы показать из взаимосвязь, как это сделал Сартр, он начинает непосредственно с самой связи. По Мерло-Понти, феноменологией в этом смысле занимался не только основатель феноменологической школы Гуссерль, но также Гегель, Кьеркегор, Маркс, Ницше и Фрейд⁴. Что ещё важнее, феноменология позволяет объединить и превзойти идеализм и материализм.

До Мерло-Понти вопрос о теле рассматривал Сартр, посвятив большой раздел «Бытия и Ничто» ниспровержению картезианского дуализма тела и разума, эмпирицистской «теории «чувственных данных», сводившей тело к пассивной машине по обработке информации, и вездесущей тенденции общественных наук, в особенности психологии, понимать тело как инертную вещь. Сравнивая схожие интенции Сартра и Мерло-Понти, мы можем сказать, что именно последний в своей «Феноменологии» пошёл дальше в представлении активной стороны тела в опыте, смело заявив о сексуальности тела, а самое главное, верифицируя присутствие тела наряду с другими как позитивный аспект интеракций, в отличие от Сартра, для которого оно было досадным вторжением в приватность Самости. Мерло-Понти гораздо лучше, чем Сартр, уловил тело как стержень бытия-в-мире, облегчив согласование с марксовым понятием «чувственности» человеческой деятельности.

Мерло-Понти стремился прояснить двойственность субъекта, располагающегося в интересубъективном мире, чьё бытие в равной мере причастью и ему самому, и миру. Не только человек приносит в мир значение, но и мир привносит значение в человека,

¹ Merleau-Ponty M. *Sense and Non-Sense*. Trans. H. and P. Dreyfus. Evanston, 1964. P. 72.

² В то время Мерло-Понти считал положения сартровского экзистенциализма «Бытия и Ничто» основополагающими. Его главу о свободе в «Феноменологии восприятия» никоим образом не следует рассматривать как неприятие Сартра. В подтверждение этому мы можем сослаться на выступление Мерло-Понти в защиту экзистенциализма на Международной Конференции 1945 г., в ходе которой Лукач изругал всех экзистенциалистов как *l'Homme privé*. Merleau-Ponty M., et al. *Deux philosophies de Europe: Marxisme-existentialisme // La Nef*. 1946. Vol. 3. № 24. P. 87-98.

³ Merleau-Ponty M. *Sense and Non-Sense*. P. 81.

⁴ Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. Trans. C. Smith. L. 1962. P. viii.

так что человек становится непосредственно социальным. Определяемый и тем, и другим, он пребывает в мире, воспринимая и будучи воспринимаемым через своё тело.

У слова «существовать» есть два и только два смысла: существуют либо как вещь, либо как сознание. Опыт собственного тела, наоборот, открывает нам форму двусмысленного существования... Таким образом, опыт собственного тела противостоит рефлексивному подходу, который отделяет объект от субъекта и субъекта от объекта...

Для Мерло-Понти «тело не есть объект», это не пассивная вещь, как у Декарта и Локка, а активный субъект. В акте коммуникации тело выражает значение; оно является частью речевого акта, так что коммуникация представляет собой «взаимное утверждение меня и другого». Гегелевская «Феноменология» вновь заставила резонировать французскую мысль.

Двойственность воспринимающего-воспринимаемого тела является диалектической, а не дуалистической. Мой взгляд на меня не более реален, чем взгляд других на меня, но оба вместе взятые в единстве различий конституируют меня как такового. Человек — не простое единство, но единство синтетическое, включающее и мир, и эго. «Феноменология восприятия» прекрасно разъясняет недоразумения, связанные с этой двойственной реальностью: нетрудно заметить, что самость отделяется от самой себя, выговаривает для себя привилегию, ищет собственную автономию, а тем самым реифицирует себя как мыслящую вещь. Чтобы уловить двойственность интерсубъективной самости, следует признать ненадёжность и относительность человеческой идентичности.

Заключительная глава «Феноменологии восприятия» суммирует и пересматривает сартровское понимание свободы в свете предложенного Мерло-Понти концепта двойственности. Как и Сартр, Мерло-Понти отвергает все определения свободы, истекающие как из идеалистического её понимания, так и из материалистического детерминизма. Однако сартровский концепт свободы не заходил так далеко в ситуировании субъекта, поскольку не помещал его в двойственном пространстве между интенцией и интендируемым объектом. «...Если раб выказывает свободу и живя в страхе, и разрывая свои цепи, то нельзя считать это свободным действием...»⁴ Таким образом, Мерло-Понти соглашается с критикой марксистов, считавших Сартра нигилистом. Ситуацию следует специфицировать в большей степени, чем это сделал Сартр, придав значимость исторической и социальной реальности. Бытие-с-другими должно стать центральной структурой свободы, а не простым психологическим эпифеноменом, как это было в «Бытии и Ничто».

Мерло-Понти испытывал потребность опровергнуть сталинистов, прежде чем дать адекватное определение свободы. Искусно используя возможности сартровской мысли и буквально следуя за Лукачем, Мерло-Понти напомнил сталинистам, что революционное классовое сознание есть содержание субъективности, а не объективных состояний:

...Никогда не быть мне в моём средоточии ни рабочим, ни буржуа, я емь сознание, которое свободно оценивает себя как сознание буржуазное или сознание пролетар-

¹ Ibid. P. 198 («Феноменология восприятия» цит. по изд.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Пер. под ред. И.С. Вдовиной. С.Л. Фокина. СПб.: «Ювента»; «Наука», 1999. С. 256-257).

² Ibid. P. 185.

³ Ibid. P. 434-435. Мерло-Понти дальше всего отошёл от Сартра в изданной посмертно книге: Merleau-Ponty M. *L'Visible et l'invisible*. Ed. C. Le fort. P., 1964. P. 75-141. Большею частью она была написана в 1959 г. И лишь однажды (р. 312) отсылает к сартровской «Критике», в которой, как мы увидим, многие недостатки «Бытия и Ничто» были преодолены.

⁴ Ibid. P. 437.

ское. Действительно, моя объективная позиция в производственном цикле не в состоянии когда-либо подвести меня к классовому сознанию... Стало быть, возмущение не является следствием объективных условий, наоборот, воля к революции превращает рабочего в пролетария. Настоящее оценивается в свободном проекте будущего¹.

В этой ревизии лукачевского концепта предписанного сознания экзистенциальный марксизм заявлял, что рабочий — прежде всего человек, и лишь затем пролетарий, добавляя к понятию объективной структуры рабочего класса человеческий, субъективный компонент.

Если диалектический материализм не привёл к пониманию истории, этого не сделал и Сартр. Его понимание свободы касалось лишь индивидуальных решений, не затрагивая решений коллективных: «...Под статистическое мышление нам надлежит подвести феноменологическое основание»². То, как группа спланируется посредством интересубъективности проектов, то, как «социальное пространство становится магнитным полем»³, объединяет людей вокруг общих целей — вот центральные вопросы экзистенциального марксизма, и Сартр обратился к ним в 1960-м г. в своей «Критике». Мерло-Понти указал путь экзистенциальному марксизму ещё в 1945-м г. В экзистенциальном плане революция выглядит следующим образом:

При каждом толчке, исходящем из какой-то точки социального пространства, сплоченность усиливается невзирая на различие идеологий и профессий. Класс становится реальностью, и известно, что ситуация является революционной, когда единство, которое объективно связывает различные слои пролетариата... проживается в модальности восприятия какой-то общей для существования каждого слоя преграды.⁴

В своей критике Мерло-Понти отвергал тот марксизм, который превратился в сталинистский догматизм, для которого история больше не являлась чем-то внешним, который овеществлял двигатель, с пыхтением устремлявшийся от одной революции к другой, к вершинам коммунизма. Теперь, учитывая свободу ситуированного субъекта, он нёс в себе «случайность». «Такая философия по-прежнему рассматривает революционное событие как случайность и не находит пророчества о времени революции написанными на стене или на каких-то метафизических небесах»⁵. Сартрианцы допускали столь же фундаментальную ошибку, изображая человека свободно и прихотливо изменяющим собственную жизнь, волшебным образом преобразующего себя без каких-либо ограничений и пределов, — именно такие выводы слишком часто делали из прочтения «Бытие и Ничто». «...Моя свобода, даже и обладая силой завести меня куда-то ещё, не в состоянии сделать из меня того, кем я решаю быть»⁶. Мерло-Понти модифицировал это абстрактное представление из сартровского концепта свободы, высмеянного Лефевром и Лукачем.

«Бытие и Ничто» оставляло у читателя впечатление, что история как коллективное время есть лишь сумма индивидуальных проектов. Строго говоря, Сартр разработал учение, касающееся жизни индивида, но не затрагивающее жизни общества и не предлагающее никаких образцов. Иными словами, у него не было никакой истории. Мерло-Понти пытался исправить этот недостаток, утверждая значимость истории. Мерло-Понти искал такое осно-

¹ Ibid. P. 442-443 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 558-559).

² Ibid. P. 442 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 558).

³ Ibid. P. 445.

⁴ Ibid (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 561).

⁵ Merleau-Ponty M. Sense and Non-Sense. P. 81.

⁶ Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. P. 447 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 564).

вание, на котором человеческую свободу можно было бы понимать в терминах всецелого общественного движения и где история приобретала бы значимость в субъективных решениях: не существует «какая-то историческая истина, независимая от наших всегда свободных проектов и оценок», существует лишь «среднестатистическое значение этих проектов»¹. Или, в иной формулировке: «...Свобода видоизменяет [смысл истории] не иначе как подхватывая тот смысл, который история ему предлагала в рассматриваемый момент...»² Проблема заключалась в том, чтобы специфицировать характер второй части марксовской формулы, согласно которой человек делает историю, но лишь соответственно тем условиям, в которых он находится. Речь шла не об устранении сартровского концепта свободы, но придании ему контекста: «Что же будет с этой точки зрения с нашей свободой, о которой мы говорили вначале? Я не могу делать вид, будто я есмь ничто, постоянно выбирать себя, исходя из ничто»³. Мерло-Понти стремился вывести абсолютную свободу Сартра на новый уровень, не умаляя её радикальности: «Мы выбираем мир, а мир выбирает нас». Приобретая новое измерение, свобода «укрепляется в бытии», а то, что является нам, всецело есть двойственность воспринимающего-воспринимаемого тела. При этом не может быть вопроса о том, что обладает большим значением — человек или мир: «"Всеобщность" роли и ситуации приходят на помощь решению, и в этом обмене между ситуацией и тем, кто её принимает на себя, невозможно разграничить то, что приходится на ситуацию, от того, что приходится на свободу»⁴. Таким образом, «с миром и другими мы связаны неразрывными узами»⁵, мы делаем выбор, обладая полной экзистенциальной свободой и пребывая в мире.

В целом «Феноменология восприятия» открывала экзистенциалистскому учению путь к созданию социально-исторической философии и примирению с марксизмом. Мерло-Понти подготовил сартровский экзистенциализм к схватке с марксизмом, избавив его от остаточного картезианства. Вооружённые теперь чёткими дефинициями общества и истории, экзистенциалисты могли по требовать от марксистов по меньшей мере внимательного отношения к своему концепту свободы. Теперь можно было рискнуть переосмыслить наиболее сильные стороны марксизма (критику капиталистических общественных структур) и объединить экзистенциалистское понимание сознания с марксизмом; взаимообмен между двумя доктринами сделался возможен. После того, как Мерло-Понти оправдал Сартра, следовало непосредственно обратиться к марксистам, предложив им проблематику экзистенциализма и заставить их увидеть, где они отклонились от Маркса и где сам Маркс нуждался в ревизии.

в) Мерло-Понти и марксизм: поиски пролетариата

После «Феноменологии» Мерло-Понти публиковал статьи, преимущественно в «Les Temps Modernes», о философии, политике и культуре, осторожно испытывая возможности экзистенциального марксизма. Эссе «Humanisme et terreur» (1947) и «Sens et non-sens» (1948) развивали сартровский экзистенциализм и утверждали гуманистический марксизм, одновременно и критикуя компартию, и симпатизируя ей. Утверждая своё понятие двойной философской ответственности, Мерло-Понти искал экзистенциальный пролетариат, кото-

¹ Ibid. P. 450 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 566).

² Ibid (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 567).

³ Ibid. P. 452 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 569).

⁴ Ibid. P. 453 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 571).

⁵ Ibid. P. 454 (Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 573).

рый придал бы марксизму сознание субъективности, соответствующее целям свободного общества, а экзистенциализму — сознание исторической и социальной реальности.

В эссе «Гуманизм и террор» Мерло-Понти развивает характерное для экзистенциального марксизма понимание истории, которое могло оживить надежды на революцию в эпоху, когда советское общество уже не казалось авангардом свободы. Отправным пунктом для Мерло-Понти послужили книги Артура Кёстлера о советском коммунизме, «*Le Zero et l'infini*» (переведённая как «Тьма в полдень») и «*Le yogi et le commissaire*», представлявшие собой антикоммунистические трактаты. Ощущение истории советскими бюрократами, увиденное через призму романов Кёстлера, было совершенно фаталистическим и детерминистским. Человек в громадной инженерии времени, безоглядно устремлённой «к высшей стадии коммунизма» оказывался не более чем винтиком. Такое представление о марксистском концепте истории разделяли не только либерал Кёстлер, но и интеллектуалы французской компартии. «Однако, — возражал Мерло-Понти, — кто сказал, что история — это часовой механизм, а человек — это колёсико? Это сказал не Маркс, а Кёстлер»¹. История, понимаемая как совершенно объективный детерминизм с железными законами, которые подлежат научному изучению, есть грубое искажение марксизма.

Кёстлер поднял вопрос о судьбе человека в истории, показав, что советское общество аморально, ибо его марксизм не оставлял места для автономных моральных решений. Кёстлер одним махом поддержал буржуазные демократии и осудил социализм, сделав достоянием гласности ужасающие последствия марксизма. Московские Процессы, беллетризованные в «Темноте в полдень», показали присущее социалистическому обществу варварство. Изображение революционного лидера (Рубашова-Бухарина), отвергнутого революцией, со всеми его чудовищными психологическими перверсиями, уже само по себе было достаточным для того, чтобы вынести приговор глубокой безнравственности всего социализма. Если принимать роман Кёстлера за истину, то Россию следовало бы осудить наряду с нацистской Германией, а капиталистическое общество признать маяком свободы.

Как и Сартр, Мерло-Понти во время Сопротивления стал непосредственным свидетелем истории. Озабоченность этой экстремальной ситуации породила у него отличный от кёстлеровского взгляд на Московские Процессы и на историю в целом. Разум и история, считал он, должны быть взаимосвязаны, а не оставаться граничащими друг с другом антиномиями, как у Кёстлера. Исторические события, рождающиеся в пылу битв, по Мерло-Понти, характеризуются случайностями и риском. В реальной исторической ситуации человек не противостоит судьбе или детерминизму, но, скорее, сталкивается с открытыми возможностями, неуверенностью, потребностью в действии без какого-либо ясного и объективного представления о его правильности. История совсем не похожа на научную лабораторию. Во время оккупации не было никакого детерминизма, но лишь ситуативная перспектива человека, который в неё вовлечён. Как говорил Сартр, историческая деятельность характеризуется свободой и ответственностью, а не спокойной клинической уверенностью.

С точки зрения истории либеральная этика, которая судит о действиях как об автономных индивидуальных решениях, направленных против вечного стандарта справедливости, представляется абстрактной и пустой. Принимая решение бороться против Гитлера или сотрудничать с ним, присоединиться к революции или выступать против неё, или, в случае Бухарина, отстаивать насильственную коллективизацию на селе, человек действует, апеллируя к будущему, которого он не может знать: «Ведь мы уже пережили один из тех

¹ Merleau-Ponty M. Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem. Trans. J. O'Neill. Boston, 1969. P. 3.

моментов, когда история приостанавливается, а институты могут исчезнуть в силу фундаментальных решений людей, когда рискуют всем, поскольку конечный результат зависит от стечения обстоятельств, объять которые взором мы не в силах»¹. Вывод Мерло-Понти, скандализовавший либеральную публику, сводился к тому, что в этих чрезвычайных ситуациях не существует сколько-нибудь отчётливого различия между насилием и нравственностью, террором и гуманизмом. Нравственный мир Кёстлера, «счастливый универсум либерализма, в котором всякий знает, чем занят другой, и где, по меньшей мере, всякий живёт в ладу со своей совестью»², представляет собой буржуазный рай, в котором позабыли о бесчеловечном капиталистическом колониализме. Напротив, террор и гуманизм идут рука об руку. Либерал, совершенно не замечающий насилия собственного общества, обвиняет революционера в том, что он принёс в мир насилие. Такое самодовольство вызывает у Мерло-Понти возмущение: насилие всегда есть, «любой закон есть насилие». Однако не все формы насилия благотворны. Предпосылка марксизма состоит в том, что насилие оправдано лишь в том случае, если оно ведёт к прекращению насилия. «Даже если марксизм есть теория насилия и оправдание террора, он несёт разум неразумию, и насилие это оправданно тем, что отличается от регрессивных форм насилия»³. По Мерло-Понти, вопрос насилия и нравственности в целом снимается пролетарским гуманизмом. Но может ли насилие, устанавливающее бесклассовое общество, стать концом насилия?

Чтобы найти ответ, Мерло-Понти призывает марксизм вернуться к гегелевским отношениям Господина и Раба как «описанию фундаментальных отношений между людьми»⁴. Тогда история предстанет как «борьба по своей сути», в которую люди вовлечены по преимуществу, сражаясь друг с другом «независимо от... обдуманных мыслей и решений в силу их... бытия в мире»⁵. В том понимании истории, которое предлагает Мерло-Понти, люди становятся людьми через акты насилия. Следует надеяться, что насилие пролетариата поспособствует процессу становления человека человеком. Всё зависит от истинности или ошибочности следующей гипотезы: «Маркс видит ситуацию так, что лишь пролетариат имеет опыт свободы во всей полноте и универсальности, который Маркс считает определяющей характеристикой человека»⁶. Если история содержит возможность реализации человека, то пролетариат существует в универсальной ситуации, в которой насилие оправданно, поскольку её [ситуацию — А.Д.] может упразднить лишь создание нового общества. Как и Маркс, Мерло-Понти признаёт, что способствовала этому процессу, создав означенную ситуацию: унифицировав способы производства. Однако эту репрессивную зависимость следует субъективно пережить как отчуждение, прежде чем транслировать её в прогрессивное политическое действие. Лишь субъективное классовое сознание подвергшихся отчуждению рабочих может преобразовать виртуальный пролетариат в актуальный: «...существует объективная предпосылка, лежащая в основе революции, а именно — существование универсальной зависимости, и предпосылка субъективная, которая есть осознание этой зависимости как отчуждения»⁷. Как и Лукач в 1923 г., Мерло-Понти соединил марксистское понятие отчуждения с экзистенциалист-

---

¹ Ibid. P. xvii.

² Ibid. P. xxxvii.

³ Ibid. P. 98.

⁴ Ibid. P. 102.

⁵ Ibid. P. 104.

⁶ Ibid. P. 113.

⁷ Ibid. P. 115.

ским пониманием свободы: рабочие должны интериоризировать свою «подлинную субъективность», выработав свой собственный проект, и соответственно преобразовать свою деятельность. Они «должны пережить одновременное существование в разделённости [актуально отчуждённая рабочая сила] и в единстве [потенциально свободная рабочая сила] личностей»¹. Таким образом, насильственная миссия пролетариата оказывается единственной надеждой гуманизма: «пролетарий со своим способом существования, как "человек универсальной истории" является наследником либерального гуманизма»².

Экзистенциальный марксизм делал положение Мерло-Понти тем более затруднительным, что он не считал советский социализм плодом марксистской революции. И тем не менее, он не мог этого отрицать. В свете недавнего осуждения Тито и событий в Чехии он никоим образом не мог приветствовать сталинистскую бюрократию. Однако, если учитывать успехи пятилетних планов, перспективы России были не такими уж безотрадными. В своих последних работах Мерло-Понти не мог уверенно высказаться «за» или «против». Позиция этого интеллектуала была чем-то вроде мрачного стоицизма: «Теперь, когда освободительная революция стала проблематичной, необходимо сохранить традицию дискуссий, критики, исследований и поддержать социальную и политическую культуру. Мы должны сберечь свободу в ожидании нового исторического импульса, который позволит нам участвовать в народном движении, отринув всякую двусмысленность»³. С точки зрения партийных марксистов вроде Гароди, которые, само собой, защищали сталинизм, Мерло-Понти утратил «объективное содержание и реальное направление истории»⁴. Его обвиняли либералы и не-коммунистические левые, настаивавшие на том, что Франция должна идти по пути России. В действительности он не добился ничего. Он лишь развивал теорию значимости истории, подчёркивая двойственность исторического развития и случайный характер исторических событий. История получает *смысл* (sens) не от сталинистской науки, но от людей, вовлечённых в происходящее. Историческое событие нагружено экзистенциальной ответственностью, потому что ни в чём нельзя быть уверенным; оно несёт в себе экзистенциальную свободу, потому что его совершают люди. Скандальное несоответствие марксизма и происходящей регрессии представляет собой ящик Пандоры, который Мерло-Понти оставляет открытым: люди свободны не строить социализм.

Мерло-Понти не только трансформировал механистическую марксистскую историю в субъективную драму самосозидания человека, но и модифицировал пустой проект сартровской свободы в интересующую свободу пролетариата. Например, Бухарин противостоял сталинской политике коллективизации, будучи таким же революционером. Но, поскольку историческое действие предполагает Другого, в сталинской перспективе интенция Бухарина имела совсем иное, антиреволюционное значение. Лишь будущее может показать, кто был прав и кто был настоящим революционером. И тем не менее, в настоящем каждый должен действовать; приходится следовать какой-то политике, чтобы достичь каких-то результатов. Во время Процессов Бухарин признал политику Сталина «объективно» революционной, а себя — виновным. Оба имели «благие» намерения содействовать революции; оба находились в абсолютной оппозиции; кем-то нужно было пожертвовать. Трагедия Бухарина, как полагает Мерло-Понти, заключалась в том, что действия имеют разный смысл в нашем собственном и в каком-то ином мире, и оба в равной степени реальны:

¹ Ibid. P. 117 или Ibid. P. 12.

² Ibid. P. 125.

³ Ibid. P. xxiii.

⁴ Garaudy R. *Mésaventures de l'anti-marxisme*. P., 1956. P. 12.

...Подлинная природа трагедии проявляется, когда человек понимает и то, что он не может отрицать объективный паттерн своих действий, благодаря которому он проявляется для других в контексте истории, и то, что мотив его действий конституирует человеческое достоинство, данное ему в опыте. Тогда перед нами уже не серия чередований внутреннего и внешнего, субъективности и объективности, или правосудия и его средств, но диалектическое отношение, то есть противоречие, основанное на истине, в котором человек стремится реализовать себя на обоих уровнях¹.

Самоосуждение Бухарина явилось не результатом тоталитарного промывания мозгов, но признанием этой истины. От следов картезианского *cogito*, разбросанных по «Бытию и Ничто», здесь удалось избавиться: индивидуальное действие явилось во всей своей двойственности или амбивалентности в сплетении социальных отношений. «Гуманизм и террор» оказался столь важным для Франции документом не только из-за своего вклада в экзистенциальный марксизм, но и потому, что здесь отразилась позиция многих интеллектуалов компартии, таких как Эдгар Морен, которые не могли открыто обсуждать поднятые Кёстлером вопросы, ибо это обнаружило бы их сомнение в сталинской России.

В 1940-х гг. Мерло-Понти представил эту позицию во Франции, имевшую большое значение для лидеров пролетарского движения, рассчитывая повлиять на их мышление и, опосредованно, на их практику. Его акцент на интерсубъективности позволял остановить отход от революции: он предлагал возможность сделать прошлое и будущее постижимым. В это время он рассматривал пролетарскую перспективу как единственное мерило, позволяющее обнаружить смысл и бессмыслицу в истории. Когда настроения во Франции переменялись, надежды на социальные перемены испарились, компартия утратила видимость революционности, а Советская Россия потеряла свою обаяние, пролетариат в глазах Мерло-Понти утратил свою значимость для истории², и от Гегеля и Маркса он всё дальше уходил к Гуссерлю, а в конце концов и к Хайдеггеру, рассматривая внутримирие скорее как множество значений, нежели чем единство. Двойственность значений стала более заметной. Случайность, которая в 1940-е гг. означала, что революция могла не произойти или пойти окольными путями, теперь означало отсутствие единого направления, а то и абсурдность исторических событий. В 1947 г. убежденность в универсальном значении пролетариата достигалась за счёт игнорирования советского пролетариата. В 1948 г. победа пролетариата над отчуждением стала миссией, о которой он забыл. В 1949 г. универсальность пролетариата просто не могла проявиться. К 1955 г. Мерло-Понти пришёл к убеждению, что пролетариат неспособен совершить социалистическую революцию, и все надежды пошли прахом.³ Обобщая, можно сказать, что, хотя *он* критически относился к сближению экзистенциализма с марксизмом, его последние годы показали, что он отвернулся от этой проблематичной ситуации, и поворот к феноменологии был в большей степени связан с двойственностью социальных значений, нежели с революционной практикой.

Перевод с английского А. В. Дьякова

¹ Humanism and Terror. P. 62-63.

² Rabil A. Merleau-Ponty: Existentialist of the Social World. N.Y., 1967. P. 86.

³ Ibid. P. 113.